

Александра Афанасьева

Во власти охотника

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А94

Афанасьева А.

А94 Во власти охотника / Александра Афанасьева. – М.: Литнет, 2026. – 212 с.

ISBN 978-5-521-99735-0

Он – могущественный охотник, воин, которого все стараются обходить стороной. Я для него всего лишь удачно приобретенный источник силы, но почему же отдаю ему жизнь капля за каплей. Но именно в этих каплях я наконец начала чувствовать, что живу.



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99735-0

© Литнет, 2026

© Афанасьева А., 2026

Глава 1

И как я докатилась до жизни такой?

Ещё час назад я работала официанткой богом забытой таверне – тёмной, прокуренной, с вечно липкими столами и скрипучим полом, который помнил сотни пьяных ног. Я разносила кружки с кислым элем, утирала пролитое и делала вид, что не замечаю липких взглядов из углов.

А сейчас? А сейчас я вишу, словно пыльный мешок с картошкой, на плече у незнакомца... Мои волосы рассыпались, передник съехал набок, а ноги безвольно болтаются в воздухе, задевая его бёдра при каждом шаге.

Сильного, надо отметить, незнакомца – раз он так спокойно передвигается с такой ношей. Его широкие плечи даже не дрогнули, когда он перекинул меня через них, словно я весила не больше пустой кружки.

Я чувствую под животом твёрдые мышцы, слышу ровное дыхание – он даже не запыхался. От этого становится ещё страшнее: если он так силен, что же он со мной сделает, когда мы останемся вдвоём?

А самое обидное, что мою честь и достоинство даже никто не попытался отстоять. Ну, формально он меня просто выкупил, а хозяева таверны и рады прибыли. Никто не вскочил из-за стола, не закричал: «Оставь девчонку!» Никто даже не посмотрел с осуждением.

Те двое завсегдатаев, что дремали над кружками, даже глаз не открыли. А те, кто видел, просто отвернулись – чужая беда не их забота.

– Извини, милая, но у нас вот-вот крыша начнёт протекать, а это потрясающая возможность её починить! – ласково проговорила Ульма, хозяйка той самой таверны.

Её голос всё ещё звенел у меня в ушах. Такой заботливый, такой сладкий – и такой пустой. Она даже не попрощалась по-настоящему.

Я запомнила, как она пересчитывала монеты, прижимая их к груди, как её пальцы жадно гладили золото. Двадцать лет я прожила под её крышей, а стала для неё всего лишь разменной монетой.

Моя история началась много лет назад. Я родилась в маленькой деревушке на окраине страны – там, где дома жались друг к другу, словно боялись одиночества, а поля упирались в тёмный лес, полный слухов и страхов.

Рано осиротела и стала никому не нужной. Ульма приютила меня, дала угол на кухне – рядом с очагом, где всегда пахло золой и чесноком.

За кров и еду я выполняла её поручения: убирала комнаты, выскребала конюшни, ухаживала за гостевыми лошадьми, даже иногда стояла у плиты, помешивая похлёбку для постояльцев. Мои руки вечно болели, а спина гнулась под тяжестью вёдер.

Ульма, как и все торговцы, обратила внимание, что я не обделена красотой, и предложила мне работать официанткой.

Я тогда обрадовалась – думала, станет легче. С этих пор клиентов у нас стало гораздо больше – как и проблем на мою пятую точку. Мужчины тянулись ко мне, как мотыльки на свет, но их интерес был далёк от нежного. Они шептали грязные комплименты, обещали золото за одну ночь, а самые наглые хватали за талию прямо при всех.

Каждый норовил дотронуться, ущипнуть или шлёпнуть по задку. Я даже перестала на улицу выходить – там меня обязательно кто-то поджидал в темноте, у колодца или за дровяным сараем. Помню, как однажды пришлось бежать через задний двор, петляя между бочками, чтобы уйти от здорового возницы. Сердце тогда чуть не выскочило из груди.

Слава Всевышнему, мне пока удавалось избегать всех этих «поклонников». Я научилась уворачиваться, нырять под руки, прятаться за спинами других гостей. Но это было изнурительно. К концу дня я падала на койку без сил, и единственным желанием было – чтобы ночь продлилась вечно.

Я превратилась в самую настоящую затворницу. Без мечты и желания к чему-то стремиться. Моя жизнь сузилась до грязной таверны, узкой каморки под лестницей и вечного страха. Я перестала смотреть в окно, потому что за ним была только пыльная дорога и чужие люди, которые хотели одного. Я забыла, когда в последний раз смеялась по-настоящему, не дежурной улыбкой официантки.

О счастливом замужестве даже речи не шло. Ну кому нужна в жёны девчонка без рода, без образования и воспитания? Ни приданого, ни хорошего имени, ни даже приличного платья. Только мозоли на ладонях да вечно испуганный взгляд. Я знала, что моя судьба — либо до конца дней прислуживать другим, либо уйти в дом удовольствий, когда красота увянет. Другого пути не было.

И вот теперь я болталась на чужом плече, не зная, куда меня несут и что со мной сделают. Внутри всё леденело от ужаса, но я молчала, потому что кричать было бесполезно — в этой глуши никто не пришёл бы на помощь. Только ветер свистел в ушах, да тяжело дышала темнота за спиной. Я зажмурилась и попыталась не думать о том, что будет, когда этот сильный, молчаливый незнакомец наконец остановится.

Глава 2

Так я и коротала свои дни – однообразные, серые, похожие один на другой, – пока не появился он.

На дворе стояла глухая ночь. За окнами таверны выл ветер, и редкие капли дождя барабанили по старой черепице. В зале было практически пусто, не считая парочки завсегдатаев, которые уже клевали носами над кружками, уронив головы на сложенные руки. Только масляные лампы чадили на стенах, отбрасывая пляшущие тени.

А потом дверь с глухим стуком распахнулась.

Мужчина вошёл в таверну, заполняя собой всё пространство и привлекая взгляды. Я моментально напряглась, разглядывая гостя. Сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в горле, словно пыталось выскочить наружу.

Он был высок, широкоплеч. На нём была кожаная броня – потёртая, но добротная, выдавшая не один бой. Лицо скрыто маской из тёмной ткани, оставляя напоказ лишь пронзительные глаза, которые смотрели в самую душу. Они скользнули по залу – медленно, внимательно, будто оценивая каждую тень. От него веяло опасностью – такой, от которой кровь стынет в жилах. Мне показалось, что даже воздух вокруг него стал тяжелее.

Когда наши взгляды встретились, я невольно поморщилась, испытав целый спектр эмоций: страх, тревогу, желание провалиться сквозь землю. Внутри всё сжалось в тугой узел. Руки под передником задрожали, и я поспешно опустила взгляд, уставившись в грязный пол. Мужчина пугал. От таких не стоит ждать ничего хорошего – ни пощады, ни милосердия. Я видела таких разве что в кошмарах.

Подойдя к Ульме, он бросил на прилавок мешочек с монетами. Тяжёлый, кожаный, перетянутый шнурком. Глаза женщины моментально загорелись – я заметила этот алчный блеск даже со своего места. А я напряглась всем телом, до боли сжав подол юбки.

– Что желает господин? – дрожащим голосом спросила хозяйка, и её пальцы уже сами тянулись к мешочку. – Лучшую комнату? Тёплый ужин? Согревающий напиток?

Незнакомец мотнул головой. Затем его глаза забежали по таверне, а увидев меня – съёжившуюся у дальней стены, – он неспешно поднял руку и указал на меня пальцем. Медленно, будто смакуя мой ужас. У меня перехватило дыхание.

– Простите, господин, наша Карен не продажная женщина, а официантка, – залепетала Ульма, но в её голосе не было прежней твёрдости. – Но, если вас интересуют такого рода услуги... я могу пригласить кого-то из дома удовольствий, который находится неподалёку. Там девушки обучены, ухожены...

Мужчина отрицательно покачал головой. Один короткий, властный жест.

– Покупаю... – произнёс он глухо, и я поняла – Ульма не сможет отказать. В этом голосе звучала такая уверенность, такая сила, что спорить было бесполезно.

Слишком много он предложил золота для моей скромной персоны. Мешочек на прилавке казался неподъёмным – в нём могло быть целое состояние. За такие деньги можно было не просто крышу починить, а всю таверну заново отстроить.

Хозяйка ещё раз посмотрела на монеты, потом перевела взгляд на меня. В её глазах мелькнуло что-то похожее на вину, но лишь на мгновение – и тут же погасло, утонув в жадности.

– Извини, милая, но у нас вот-вот крыша начнёт протекать, а это потрясающая возможность её починить! – ласково проговорила Ульма, и её улыбка стала такой же сладкой, как прокисший эль.

Вот так. Даже не попыталась отстоять или набить цену. Просто согласилась и продала. Ни одного слова в мою защиту. Ни одного жеста сожаления.

Могла ли я предположить, что когда-нибудь этим завершится её доброта? Что я, выросшая за её спиной, окажусь всего лишь разменной монетой? В горле встал ком, и я с трудом сглотнула, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

Глава 3

Ульма взяла мешочек с монетами. Её пухлые пальцы сжали кожу так крепко, что побелели костяшки. Это могло означать лишь одно – сделка совершена! Я видела, как хозяйка спрятала плату за меня в складках своего передника, и на душе стало так тошно, что к горлу подступила горечь.

Я не могла в это поверить! Сколько раз за эти годы мужчины просили мою руку и сердце, приносили ценные дары – расшитые платки, серебряные броши, мешочки с монетами, – но женщина была непреклонна!

Она всегда отстаивала меня и не давала в обиду. Я помнила, как она отчитывала одного особо наглого купца, посмевшего схватить меня за подол. «Моя девочка не для таких, как ты!» – кричала она тогда, и я впервые почувствовала себя нужной.

Что же изменилось сейчас? Почему та же самая Ульма смотрит на меня чужими, равнодушными глазами? Неужели всему виной этот проклятый мешочек? Или я никогда не была для неё больше, чем товаром, а забота была просто выгодным вложением?

Мужчина как-то загадочно хмыкнул – низко, гортанно, от этого звука у меня пробежали мурашки по спине, волосы на затылке зашевелились, – а затем резко направился ко мне. Его сапоги тяжело ступали по доскам, и каждый шаг отдавался у меня в груди.

На дрожащих ногах я сделала несколько шагов назад, пятясь, пока не упёрлась спиной в холодную стену. Сердце колотилось так сильно, что я слышала его стук в висках. Слёзы моментально хлынули из глаз, застилая всё вокруг мутной пеленой, и в этой пелене фигура мужчины казалась огромной, нечеловеческой.

– Ульма, пожалуйста! – взмолилась я, оборачиваясь к хозяйке. Голос мой сорвался на крик, в котором смешались отчаяние и надежда. Я просила о помощи того, кого считала матерью.

Та лишь поджала губы – тонкие, бледные – и отвела взгляд в сторону. Тихим, почти неслышным шёпотом, как будто боялась, что кто-то услышит её слабость, она выдохнула: «Прости».

А потом отвернулась и попыталась сделать вид, словно сейчас в таверне абсолютно ничего не происходило.

Она начала протирать и без того чистую стойку. Словно меня здесь не продавали, как бездомную кошку. Словно я была не человеком, а пустым местом.

Слёзы хлынули с новой силой. Я зажмурилась, пытаюсь взять себя в руки, но ничего не получалось – каждое дыхание выходило всхлипом.

– Я не вещь! Меня нельзя вот так продать! Я не пойду с вами! – сквозь рыдания проговорила я, обращаясь уже к мужчине, который остановился в трёх шагах от меня.

Он молчал. Просто смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах, видимых из-под маски, не было ни злобы, ни жалости – только холодное терпение. От этого становилось ещё страшнее.

Вот только какой у меня выбор? Мужчина в несколько раз больше и сильнее меня. Его ручки могли сломать меня пополам, как сухую ветку. Разве я могу сопротивляться такому громиле? Мои кулачки – что мухе против ветра. Я попыталась оттолкнуться от стены, но ноги не слушались, подкашивались, будто я выпила целую бочку эля.

– Карен, не глупи, – обратилась ко мне Ульма. Теперь её голос звучал устало, почти раздражённо, как с капризным ребёнком. – Разве ты не понимаешь, кто перед тобой стоит?

А я не понимала. Совершенно не понимала. Я смотрела на этого человека – или не человека? – и ничего не могла разобрать. А когда поняла... Когда увидела на его плече знак – выжженную печать, ту самую, о которой ходили легенды. Пламя, перечёркнутое мечом. Этот символ рисовали на стенах и в книгах, его шептали в страхе и почтении.

– Охотник... – дрожащими губами произнесла я, и внутри всё оборвалось. Мир под ногами качнулся, словно я стояла на палубе в шторм.

Хозяйка таверны медленно кивнула, и в этом кивке было всё – и вина, и страх, и облегчение от того, что правда наконец вышла наружу.

Охотниками звали сильнейших магов нашего королевства. Они боролись не только с теми, кто перешёл на тёмную сторону, – им подвластно было даже уничтожать нечисть, которая выходила по ночам из лесов. Об Охотниках ходили тысячи легенд, и каждая была страшнее предыдущей. Я никогда не видела представителей их клана – только слышала рассказы заезжих путников, от которых стыла кровь. А теперь мне предстояло стать его собственностью. Не женой, не гостьей, не служанкой – именно собственностью. Вещью, которую можно использовать и выбросить.

А когда я поняла, для чего именно я нужна Охотнику, ноги подкосились окончательно. Вспомнились те страшные строки из книги, что я читала по ночам при свете огарка. Неужели уже ничего нельзя сделать? Неужели моя жизнь кончена, даже не начавшись по-настоящему?